

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Н.М. Шевченко

Рассматриваются особенности использования библейских сюжетов в прозаическом творчестве М. Цветаевой на фразеологическом массиве; отмечаются различные механизмы декодирования индивидуально-авторской фразеологии.

Ключевые слова: лексическая трансформация; семантическая трансформация; лексико-семантическая трансформация; контаминация.

Исследуя языковую личность Марины Ивановны Цветаевой, невольно обращаешь внимание на родословную, которой она гордилась – это город Александров Владимирской губернии, откуда родом и Илья Муромец. Из села Талицы, близ города Шуи, цветаевский род, который, как считает сама Цветаева – священнический. Она гордилась своим прошлым, прекрасно знала и любила библейские и фольклорные мотивы, которые широко использовала в своём творчестве.

Цветаева очень хорошо знала Библию и евангельские легенды (“Пало прениже волн...” – Змия мудрый... // Голубя кротче – согласно евангельской легенде, Христос обратился к апостолам со словами: “Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби”). Она обыгрывает евангельскую легенду об исцелении дочери начальника синагоги Иаира, которую Иисус Христос воскресил от сна-смерти. А легенда о святом Георгии (Георгий Победоносец), греческом воине, казненном около 303 г. во время гонения на христиан, вошла в духовную литературу как предание о витязе, победителе дракона, спасителе царской дочери.

Для того чтобы иметь представление о творческих возможностях Цветаевой в работе над словом, необходимо познакомиться с этим явлением в текстах, рассмотреть особенности творчества

в контексте, оценить возможности образности и возможности варьирования. Именно эту дидактическую функцию и преследуют авторские словари.

Библеизмы, которые нашли отражение в Словаре фразеологизмов М. Цветаевой, занимают особое место, что обусловлено христианской этической и эстетической ценностью. Список фразеологизмов библейского происхождения показывает, насколько глубоко Цветаева знала тексты Священного Писания, которые являются самыми популярными источниками историко-культурной информации во всем мире.

Все, что связано с художественным творчеством, утверждает Цветаева, прикосновенно с божественным, поэтому в ее текстах такой большой процент фразеологизмов, восходящих к библейским сюжетом:

“Каждая книга стихов – книга расставаний и разрываний, с *перстом Фомы* в рану между одним стихом и другим”;

“Все стихи и вся музыка – обещание *обетованной земли*, которой нет”; “Не надо бы – при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, !!! *про тридцать серебряников*”.

“Ведь против первоначального текста – *камя на камне не оставил*. Был разговор о переиздании, а это – новая книга, неузнаваемая!”

“Из каждой страницы бы вышла книга. Пристрастие к очертанью. Да. – Нет. – Черное. – Белое. – Добродетель. – Пророк. <...> Великолепие общих мест. Мир точно только что создан. **Каждый грех – первый**. Роза всегда благоухает. Нищий – совсем нищий. Девушка – всегда невинна. Старик – всегда мудр. В кабаке – всегда пьянствуют. Собака не может не умереть на могиле хозяина”;

“**Витание поэта в облаках**” – правда, но правда только об одной породе поэтов: только высоких, чисто-духовных. И даже не витанье, а обитанье; “Так вот: мои стихи – это Кольцов, а я – народ. Народ, который никогда себя до конца не скажет, п. ч. **Конца нет**, неиссякаем”;

“Стих – по заказу! Стих – по мановению Брюсова! И второй **камень преткновеня**, острейший, – я совсем не знала, кто Эдмонда, мужчина или женщина, друг или подруга”.

Надо отметить, что всякое употребление фразеологизмов в текстах даны через творческий подход автора к осмыслению библейских сюжетов:

“В ней не было ни тяжести **насущенного хлеба**, ни его железной необходимости, ни нашей на него отреченности, ничего от **“в поте лица твоего...”**. Разве Сонечку можно – заработать? Даже трудом всей жизни? Нет, такое дарится только в подарок”.

Основная функция фразеологизмов в текстах М. Цветаевой – передать внутреннее состояние души:

“Осень, уходя, точно задумалась, оглянулась назад на лето и никак не может повернуться к зиме. Меня такие дни растрavляют, как всякая незаслуженная доброта (**Благо тому, кто умеет слушать**)”.

Квантитативные данные дают основания сделать вывод, что наиболее частотным компонентом в структуре фразеологизмов в творчестве Цветаевой является душа (запустить руку в душу, из души рвется, бессмертная душа, болезнь души, в душе воет, в отвод души, вернуть душу, душой и телом, голая душа, дать выход душе, до dna души, душа закипела, душевный отход, душу вызвать, душу отдать, душу положить, живая душа в мертвой петле, задета душа, запустить руку в душу, из души рвется, на миру души не спасешь, над душой стоять, некогда о душе подумать, оторваться мясом души, по образу души своей, продать душу, прожечь душу, рыться в душе, из души рвется, пустые руки души, сотни лет души, тело ее души, час души, чем больше душа пуста, тем больше она наполняется).

Большой интерес представляют известные библейские фразеологизмы, используемые М. Цветаевой в трансформированном виде. В ее текстах наблюдаются различные типы авторской трансформации:

“**Бисер перед свиньями... – шепчет милая человечная поэтесса Ада Чумаченко, тамошняя служащая, – я и то расстраиваюсь, когда он передо мной начинает... Стыдно... Точно – разбрасывает, а я подбираю...**”.

Лексический тип трансформации является самым распространенным и излюбленным приемом в творчестве М. Цветаевой, который направлен на конкретизацию внутренней формы ФЕ (прием вклинивания дополнительных компонентов в структуру ФЕ; лексическая замена компонента; усечение компонента из общей структуры фразеологизма). Используя эти приемы, М. Цветаева пытается уточнить заложенный во фразеологизм образ, придать ему яркость той среды, которую она описывает:

“Это мой давнишний вопль, **воплъ вопиющего**, не в пустыне, а **на базаре**”.

Трансформируя фразеологизм, Марина Цветаева может создать целый ряд художественно-стилистических эффектов. Отработанным приемом трансформации в творчестве Цветаевой является лексико-семантический, когда по определенной модели создается совершенно новая ФЕ.:

“Эренбург не ответил и дружба кончилась: кончилась и с Геликоном, который после моего отъезда вел себя со мной, как хам <...> Так, **не гонясь ни за одним, потеряла обоих**”.

Расширяя рамки библейских выражений, она создает совершенно новые фразеологизмы, наполняя их семантическую глубину:

“Можно просить Богоматерь о ребенке от любовника, можно просить Богоматерь о ребенке от старика – о греховном, о чуде – но не просят о безумном. Соединение, из которого ребенок заведомо исключен. Состояние, когда ребенок невозможен. Немыслим. Всё, кроме ребенка. Как на том обеде великого Короля с дворянином: всё, кроме хлеба. Великого **женского хлеба насущенного**”.

Часто в текстах наблюдается семантическая трансформация, что становится началом рождения нового значения и образа в творчестве М. Цветаевой:

“Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем – свое поколение. **Нашего полку – еще убыло**”;

“Но Вы уже поняли, в чем дело: вот они – 10 счетом – но на этот раз по 50-ти, потому что всякой твари по паре, а есть и единственные”.

Творческий подход поэтессы к слову позволяет расширять рамки фразеологической единицы и создавать новый образ, в основе которого лежит антитеза, выполняющая не только оценочную, но и интригующую функцию в тексте:

“Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, *не зарывший своего таланта в землю*, – человек волей своей, *из земли его вынудивший*. Нечто создавший из ничего”;

“Но сегодня вечер был наш! *Пир во время Чумы?* Да. Но те пировали – вином и розами, мы же – бесплотны, чудесно, как чистые духи – уже призраки Аида – словами: звуком слов и живой кровью чувств”.

Цветаева способна расширить образное представление фразеологизма за счет вторичной номинации библейского сюжета:

“Он лопнул совсем не потому, что Христос воскрес, а потому, что я на него легла... Я его просто заспала, *как на суде Соломона*”.

В своем сознании она свято сохранила библейское представление о магии числа:

“7 – русское число! О, ещё много: Семь бед – один ответ. Семь пятниц на неделе. Не велик городок, да семь воевод. У семи нянек дитя без глазу. Семи пядей во лбу. Семеро ворот, а все в огород. За семь вёрст киселя хлебать. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Семь вёрст до небес и все лесом”.

Для того чтобы образность стала более выразительной, яркой и насыщенной, Цветаева использует контаминацию, совмещая две Ф.Е. синонимического значения в новую форму фразеологизма:

“Я *здесь никому не нужна*. Есть – знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое *висение на ниточке и цепляние за соломинку*. Какая нечеловечность...”

У Цветаевой большой опыт общения с народом (вещевые базары, вокзалы, общие вагоны), ее умиляет простой говорок, пересыпанный народными перлами, который Цветаева с большой любовью и точностью вводит в свой текст:

“Ты вишь, московка, невнятная тебе наша жизнь. Думаешь, нам все даром дается? Да вот это то пшано, что оно на нас – *дождем с неба падает?* Поживи в деревне, поработай нашу работу, тогда узнаешь. Вы, москвичи, счастливее, вам все от начальства идет”.

Она старается понять значение и назначение каждого выражения, проникнуться живительной силой простого русского смысла:

“Человек приказал долго жить. Удивительное чутье народа. Значит, умирая, человек понял, что жить, несмотря на все – прекрасно – и властью –

как умирающий – именно *приказал* оставшимся – *долго жить*”.

А если она и проявляет “поэтическое своеволие”, утверждая, что “На том свету – пока этот оборот будет, будет и народ”, – на то она и творец.

Уникальное самовыражение индивидуальности М. Цветаевой проявляется в рождении авторского метафорического образа с использованием библейской антропонимии:

“...с Асей будет то же, что со мной в 19 г. – весь город – друзья – *Вавилонская башня писем – Содом дружб и любовий* – и ни кусочка хлеба!”

Обращает на себя внимание вариантное употребление фразеологизма библейского происхождения в разных контекстах:

“Я сейчас – *Фома Неверный*, этот последний месяц подшиб мне крыло, чувствую, как оно тащится. Убедите меня в своей необходимости, – роскошью быть я устала! Ведь я ещё не включилась в радость, покоя и веры у меня еще нет”;

“Двадцать лет, великолепная и победоносная, я во всеуслышание заявляла: “раз я люблю душу человека, я люблю и тело. Раз я люблю слово человека, я люблю и губы. Но если бы эти губы у него срезали, я бы его все-таки любила”. *Фомам Неверующим* я добавляла: “я бы его еще больше любила”.

Особое место в текстах Цветаевой занимают библейские выражения, которые свидетельствуют о своеобразии творческого самовыражения концептуальной информации в тексте:

Все ведающее заведомо повинно; Дающий не спрашивает; Вкусих мало мёду; Всякое дыхание да хвалит Господа; Душу положить за врази своя; Неисповедимы пути господни; Рука дающего да не оскудеет; Своя своих познаша; Тайная любовь, ставшая явной и мн. др.

С уверенностью можно сказать, что выражение М. Цветаевой: “Любить врага может только святой. Поэт может только во врага влюбиться” – обречено на крылатость.

Все отмеченные элементы фразеологического творчества зафиксированы в Словаре фразеологизмов М. Цветаевой (Шевченко, 2011).

Литература

1. Шевченко Н.М. Фразеологический словарь М. Цветаевой / Н.М. Шевченко. Бишкек: Эстет, 2011. 350 с.